

шестерых лошадей, раздавив насмерть всех до единой. Дерево может быть тебе другом, но лишь до тех пор, пока ты его не трогаешь. Вонзил лезвие в ствол — считай, объявил войну.

Оторванные от мирских забот, члены бригады — иногда их было больше сорока и никогда меньше тридцати пяти — сражались с лесом от рассвета и до ужина: повалят гигантскую ель, распилят ее на бревна, такие, что едва с места сдвинешь; Грэйньеру эта работа представлялась не менее значительной, чем возведение пирамид — они меняли внешность горных склонов; они почти не разговаривали, разве только выкрикивали что-нибудь изредка; их бороды слипались и черствели от смолы, их кальсоны намокали от пота, пыль запекалась в складках их шей, под локтями, под коленями; от густого запаха смолы саднило в горле и щипало глаза, этот запах перекрывал даже вонь животных и душок навоза. В конце дня все валились спать — примерно там же, где валили деревья. Хижин на всех не хватало. Большинство мужчин спало в палатках — древних, тут и там залатанных мешковиной; впрочем, и мешковина, по словам Арна Пиплса, была вырезана из пехотных палаток Северной армии, времен Гражданской войны. Пиплс показывал пятна

крови на ткани. Некоторые из этих палаток служили еще американским кавалеристам во времена индейских кампаний — и наверняка пережили тех, кому давали приют; во всякому случае, так считал Арн Пиплс.

— Только дайте мне топор, парни, — любил повторять он. — Если я возьмусь за дело, то утром, придя на работу, вы обнаружите, что вчерашние щепки и пыль еще не улеглись...

«Я создан для летних лесозаготовок, — говорил Арн Пиплс. — Вам, миннесотцам, оно, может, и не по душе. Я же, пока сотню не повалю, даже толком не разогреюсь. Помню, работал я на вершине горы недалеко от Бисби в Аризоне — до солнца там оставалось одиннадцать или двенадцать миль. Температура переваливает за сорок пять градусов: поднимаешься на шаг, становится еще на градус жарче. И это в тени. Вот только тени там не было». Всех своих собратьев по лесозаготовкам он почему-то называл «миннесотцами». При этом, насколько можно было судить, ни один из них в жизни не бывал в Миннесоте.

Арн Пиплс приехал с Юго-Запада и ут-верждал, будто виделся и разговаривал с братьями Эрп в Тумстоуне; по его словам, знаменитые законники были не блюстителя-

ми, а «фанатиками порядка»*. В юности он работал на арizonских рудниках, потом десятилетиями валил деревья по всей стране, теперь же превратился в хилого, сморщенного колобродника, не в меру болтливую, сторонящегося тяжелой работы, самого дряхлого во всем лесу старика.

Полезен он бывал лишь от случая к случаю. Когда требовалось вырыть туннель, он был пороховой мартышкой — подрывником, то есть: устанавливал заряды и пробивал себе путь вглубь утеса, пока не выбирался с другой стороны; после каждого взрыва за ним расчищали завалы. Он был суеверен и делал все точно так же, как делал это в медных рудниках Мьюл-Маунтинс на юге Аризоны.

«Я был свидетелем того, как мистер Джон Джейкоб Уоррен потерял все свое состояние. Напился и заявил, что сможет обогнать коня, — это, кстати, вполне могло быть правдой. Не таким уж Арн Пиплс был лгуном, во всяком случае, не заявлял, что знаком со знаменитостями, кроме разве что Эрпов, ну и потом, никто из присутствовавших

* С пребыванием братьев Эрп в Тумстоуне, штат Аризона, связана, в частности, самая известная перестрелка в истории Дикого Запада, произошедшая 26 октября 1881 года. Впоследствии этот эпизод многократно цитировался в кино и на телевидении.

ни разу не слышал о Джоне Джейкобе Уоррене. — Пospорил, что сможет обогнать трехлетнего жеребца! Стоял посреди улицы, раскачиваясь взад-вперед, глаза в кучку, до того пьян — даром что богатейший человек в Аризоне! — и как припустит, дыша тому жеребцу прямо в зад. Поставил на кон рудник Медной королевы. И профукал! Вот с кем бы я потягался! Теперь-то он, конечно, не просто на мели — на дне, и поставить ему толком нечего».

Бывало, установив заряд и повернув подрывной винт, Пиплс не добивался никакого результата. И тогда лес затихал, сгущалось напряжение. Люди, работавшие в полумиле от того места, каким-то образом понимали, что заряд все равно вскоре рванет, и вся работа стопорилась. Пиплс вытряхивал из карманов свои немногочисленные ценности — медные часы, оловянную расческу, серебряную зубочистку, — складывал их на пень и направлялся, не оглядываясь, в темноту туннеля. Когда он возвращался и вновь поворачивал винт, динамит взрывался с присвистом, мужчины устраивали овацию, а из туннеля вырывалось облако; пыль припудривала камни и теплым снегом падала на всех присутствовавших.

Ни у кого не вызывало сомнений, что Арн Пиплс покинет этот мир в клубах дыма, под

монструозное грохотание, но все случилось несколько иначе: его ударило по затылку сухой веткой, упавшей с высокой лиственницы — такие коряги называют «вдоводелами», имея в виду как раз подобные несчастья. Удар свалил Пиплса с ног, но вскоре он пришел в себя и был, казалось, в порядке, жаловался лишь, что на позвонках у него «будто пупырки выросли» и «ходить теперь тянет зигзагами». В течение следующих дней у него было несколько приступов головокружения, он сделался сонным и забывчивым, все воскресенье пролежал в ознобе и горячке, а в понедельник утром его нашли мертвым — в кровати, с одеялом, натянутым до подбородка; по словам бригадира, он «выглядел таким умиротворенным, что никому и в голову бы не пришло его тревожить — лишь опустить в глубокую могилу вместе с постелью». Арн Пиплс говорил, что мирно стоящее дерево может быть другом, однако смерть он принял именно от такого дерева.

Его лучший друг Билли, тоже старик, но по большей части молчун, собрался с духом и произнес несколько слов у могильной насыпи: «Арн Пиплс в жизни никого не обманул, — сказал Билли. — Он никогда не крал, даже леденца не украл, когда был еще совсем ребенком, а прожил он до глубокой старости. Полагаю, каждый из нас может

извлечь из этого урок: будь честен с людьми, и тебе за это воздастся. Во имя Иисуса, аминь». «Аминь», — повторили остальные. «Хотел бы я дать нам всем денек отгула, — сказал бригадир. — Но у нас есть начальство и идет война». Из-за войны в Европе спрос на еловую древесину значительно вырос. Несмотря на мирный договор, подписанный восемнадцать месяцев назад, бригадир не сомневался, что это лишь временное затишье; бои вскоре продолжатся, пока одна сторона не перебьет другую до последнего человека.

В тот вечер все обсуждали победы и поражения Арна и детально восстановили его последние часы. Что его сгубило — травма мозга или внезапная лихорадка? В горячке он выкрикивал какие-то безумства: «Эй, епископ, да воскреснут скалистые!» — а также: «Главнокопаящий пайщик напал! Поберегись! Поберегись!», — и все взывал к духам прошлых лет, а также сообщил, что его навестили сестра с мужем, хотя оба, Билли знал это наверняка, были давно мертвы.

Работа Билли состояла в том, чтобы поливать и смазывать двигатель двухбарабанной лебедки, а также вовремя менять износившийся трос. Легкая работа, стариковская. Настоящим же механиком в отряде был Гарольд, двенадцатилетний сын бригадира,

который шел впереди упряжек с ведром ка-траньего жира, намазывая его на полозья тряпкой из мешковины, чтобы огромные бревна не скатывались. Как-то утром — была среда, два дня спустя после смерти и похорон Арна Пиплса — у юного Гарольда тоже закружилась голова: он упал прямо перед упряжкой, лошади шарахнулись, стараясь не затоптать его, и чуть было не опрокинули ношу. От смертельных увечий мальчика спас Грэйньер, оказавшийся рядом по счастливой случайности — он стоял на обочине, дожидаясь, когда будет можно перейти колею, и оттащил мальчишку за штанину. До самого вечера бригадир обхаживал сына, смачивая ему лоб ключевой водой. Юнец бился в горячке и бредил — именно из-за болезни его чуть не затоптали лошади.

Тем же вечером захворал и старый Билли — метался по койке из стороны в сторону и нескончаемо бредил до глубокой ночи. Не считая той речи у могилы друга, Билли, наверное, и двух-трех слов не произнес за все время, что они его знали, но теперь не давал уснуть тем, кто был неподалеку, да и те, кто спал на другом конце лагеря, позже говорили, что слышали его даже во сне — в основном он выкрикивал собственное имя: «Кто это? Кто здесь? — кричал он. — Билли? Билли? Ты, что ль, Билли?»

У Гарольда лихорадка прошла, у Билли затянулась. Вокруг бригадира будто бы роились призраки: он бродил по лагерю, то и дело к кому-нибудь приставал — то ткнет в сустав, то веко оттянет, то челюсти раздвинет — ни дать, ни взять, скупщик скота. В пятницу вечером, когда все собрались за ужином, он сказал: «Летние работы окончены». Каждому он рассчитал и выплатил жалованье — Грэйньер все лето посылал деньги домой, и тем не менее у него осталось еще четыреста долларов.

К вечеру воскресенья они спустили с горы последние бревна, а с простудой слегли еще шестеро. В понедельник утром бригадир выплатил каждому рабочему четыре доллара надбавки и сказал: «Проваливайте, парни». К тому времени кризис болезни миновал и у Билли. Но бригадир сказал, что опасается эпидемии инфлюэнцы, подобной той, что была в 1897 году. Он тогда осиротел — вся его семья, тринадцать братьев и сестер, умерли за неделю. Грэйньер сочувствовал боссу. Бригадир был толковым и честным начальником; голубоглазый мужчина средних лет, который не водил дружбы ни с кем, кроме своего сына Гарольда, и никогда никому не рассказывал, что рос без семьи.

То было первое лето, проведенное Грэйньером в лесах, а Робинсон-Гордж стал первым

из железнодорожных мостов, на которых он работал. Годы спустя, точнее, спустя десятилетия, в 1962-м или 1963-м, он наблюдал за молодыми монтажниками на эстакаде, где Второй хайвей пересекает самое глубокое ущелье реки Мойи, столь же глубокое и длинное, как ущелье Робинсона. Старый хайвей проходил по дуге, пересекая мелководье, новый пролегал напрямик над пропастью, в нескольких сотнях футов над рекой.

Грэйньер с изумлением смотрел, как мальчишки срывают друг с друга каски и швыряют их на страховочную сетку тридцатью или сорока футами ниже, ухают за ними, чтобы не истово попрыгать в сетке, и карабкаются по нитям обратно на деревянный помост. Раньше он и сам обезьяной скакал по балкам, но теперь и на табурет влезть не мог, не почувствовав при этом легкий приступ тошноты. Глядя на мальчишек, он внезапно осознал, что прожил почти восемьдесят лет, и все это время мир продолжал — и продолжает — вращаться.

Несколькими годами ранее, в середине 1950-х, Грэйньер заплатил десять центов, чтобы посмотреть на Самого толстого человека в мире, восседавшего на тахте в автоприцепе, перевозившем его из города в город. Чтобы поместить Самого толстого человека на тахту, пришлось снять крышу с фургона

и опустить его внутрь при помощи крана. Он весил больше тысячи фунтов. Сидел там, огромный, обливаясь потом — усы, козлиная бородка, в ухе золотая серьга, как у пирата; на нем были лишь блестящие шорты и больше ничего, плоть скатывалась с двух сторон, свисала с тахты, как застывший водопад, а из кучи малы, бывшей его телом, торчали голова, руки и ноги. Люди выстраивались в очередь перед открытой дверью, чтобы взглянуть. Каждому из зрителей он предлагал купить его фотографию из стопки, лежащей у окна, — за десятицентовик.

Грэйнер жил долго и с годами начал путать хронологию событий: например, был уверен, что в тот же день, когда он увидел Самого толстого человека — вечером того дня, — он стоял на Четвертой улице в Трое, штат Монтана, в двадцати шести милях восточнее моста, и смотрел на пассажирский вагон, в котором ехал странный молодой артист Элвис Пресли. Личный поезд Пресли почему-то остановился, возможно, для починки, именно здесь, в этом крошечном городке, где и станции-то как таковой не было. Ненадолго показавшись в окне, знаменитый юнец поднял руку в знак приветствия, однако Грэйнер этого не увидел — он слишком поздно вышел из парикмахерской напротив. Ему об этом рассказали горожане,

выстроившиеся вдоль улицы в стусившихся сумерках, перед дизелем, басившим на холостом ходу; некоторые тихо переговаривались, остальные молчали и все вглядывались в тайну и величие этого мальчика — недостижимого и такого одинокого.

Еще Грэйнер видел лошадь, снимавшуюся в вестерне, и мальчика-волка, а в 1927 году он поднимался в воздух на биплане. История его жизни началась с путешествия на поезде, которого он не помнил, а завершилась, когда он стоял и смотрел на поезд, перевозивший Элвиса Пресли.